

Линь Цинюй получил половину власти в доме, и каждый день непрерывным потоком к нему приходили самые разные люди.

История об отравлении слуг шаоцзюнем распространилась по всей резиденции. Все поняли, что такое «жестокая красавица», и с благоговением смотрели на шаоцзюня. От таких важных вопросов, как выплата ежемесячного пособия, до таких мелких, как выбор цветов для посадки во дворе, – никто в резиденции не осмеливался принимать самостоятельные решения.

Это безумно раздражало Линь Цинюя. Он никогда не интересовался общими делами резиденции. Такие мелочи, как то, какие цветы выращивать и какие блюда готовить в каждом дворе, он оставил на усмотрение Пань Ши. Важные же вопросы было бы лучше проконтролировать самому.

Линь Цинюй нашел некоего человека, лежащего в кресле-качалке с закрытыми глазами и слушающего дождь, и приказал: «Найди мне еще нескольких надежных управляющих, которые помогут вести домашнее хозяйство».

Лу Ваньчэн открыл глаза и поддразнил: «О? Я, кажется, припоминаю, что раньше ты испытывал отвращение к подобному подходу: „Ты не можешь всегда и во всем полагаться на других. Тогда, когда тебе будет лень есть, спать или жениться и заводить детей, ты тоже попросишь кого-то сделать это за тебя“?»

Линь Цинюй сделал паузу и спокойно сказал: «То была одна ситуация, а это совсем другая».

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «С этим делом легко справиться. Я просто напишу еще одно письмо своему дедушке».

Линь Цинюй кивнул.

«Хорошо, иди и напиши».

«Тогда помоги мне растереть чернила», — Лу Ваньчэн небрежно сказал, шутя и думая, что Линь Цинюй снова безжалостно отвергнет его.

Неожиданно тот просто на мгновение заколебался, а затем сказал: «Хорошо».

Лу Ваньчэн мгновенно застыл, потрясенный осознанием подобной милости.

В кабинете Лу Ваньчэн стоял перед окном, держа в руке кисть. Линь Цинюй спокойно стоял сбоку, лично растирая чернила для него.

У чернил богатый аромат, но Лу Ваньчэн все еще мог различить легкий лекарственный аромат

тела Линь Цинъюй. Он задался вопросом, когда его обоняние стало таким хорошим.

Весна была дождливая, дождь не прекращался уже несколько дней. За окном моросил весенний дождь, его струи естественно и завораживающе переплетались как любовники.

Лу Ваньчэн писал очень медленно. Казалось, что он редко писал, но его работа кистью была превосходной. Письма были личными вещами, и Линь Цинъюй не читал их намеренно, но случайно заметил.

Говорят, что суть человека отражается в его каллиграфии. Мазки Лу Ваньчэна были стремительными как движущиеся облака и текущая вода; свободными, легкими и плавными. Трудно было представить, что подобные слова написаны руками смертельно больного юноши.

Написав несколько слов, Лу Ваньчэн был поражен приступом лени.

«Ах, у меня болят руки. Я так устал».

Линь Цинъюй сказал: «Ты можешь сесть и писать».

«Нет. Писать сидя совсем не элегантно и некрасиво».

Линь Цинъюй: «...»

Хуань Тун пришел, чтобы доставить закуски, и был встречен картиной пишущего молодого мастера Хоу, в то время как молодой мастер его семьи выступал в роли «красных рукавов, добавляющих аромат*». Это так потрясло его, что в себя он пришел не скоро и долго вспоминал, зачем пришел.

«Молодой господин, с кухни принесли пирожные „Цветущая слива“».

[Примечание: Это строка из стихотворения, в котором описывается красивая девушка, одетая в красное, зажигающая благовония, когда она сопровождает мужчину во время учебы. Предположительно, это очень красивая сцена.]

Линь Цинъюй сказал: «Ты можешь просто поставить их там».

Хуань Тун поставил на стол пирожные „Цветущая слива“. Когда он увидел почерк Лу Ваньчэна, то удивленно сказал: «Молодой мастер Хоу такой ленивый, но его почерк очень красивый!»

Лу Ваньчэн скромно сказал: «Ты мне льстишь, ты мне льстишь. В этом нет ничего исключительного».

Линь Цинюй медленно сказал: «Глядя на твой почерк, кажется, что ты долго практиковался».

«Это верно».

Практика каллиграфии – это не то, что делается за один день. Лу Ваньчэн должен был заниматься каллиграфией по меньшей мере несколько лет.

Линь Цинюй не мог удержаться от вопроса: «Если ты жалуешься на боль в руке после написания всего нескольких слов, у тебя действительно было свободное время для занятий каллиграфией?»

«О, очевидно, меня вынудили. В детстве я был слишком энергичным. Мама слышала, что занятия каллиграфией могут успокаивать, поэтому она щедро заплатила преподавателям каллиграфии, чтобы те научили меня писать и читать на древнекитайском. — Лу Ваньчэн опустил глаза, его лицо выражало смесь воспоминаний и боли. — Мама стремилась быть лучшей во всем. Ей было мало первого места, она требовала, чтобы я стал мастером четырех искусств. Я должен был занять первое место во всем. Это было безжалостное время: если это был не один класс, то совсем другой. Я даже не мог выспаться...»

Хуань Тун сочувственно сказал: «Молодой мастер Хоу, должно быть, был так несчастен! Вы уже так больны, но так мучительно учились. Даже у нас, слуг, была лучшая жизнь».

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Он говорит глупости».

Глаза Хуань Туна расширились.

«А?»

«Ты когда-нибудь слышал, чтобы он называл Лян Ши „мамой“?»

Хуань Тун почесал в затылке.

«Ах, это верно».

Лу Ваньчэн не стал опровергать его слов, а улыбнулся и сказал: «Ах, меня раскусили».

В середине письма было предложение, в написании которого Лу Ваньчэн не был уверен. И вот он перестал писать и задумался. Он погрузился в глубокие раздумья, пока мысли не начали уплывать, его глаза постепенно потускнели, и даже хватка кисти изменилась. Но, несмотря на то, как небрежно Лу Ваньчэн держал кисть, он лишь сильнее обхватил кисть пальцами и на одном дыхании закончил письмо.

В одно мгновение кисть и чернила бешено полетели. Пара хозяина и слуги, стоявшие рядом с ним, сильно пострадали. Линь Цинюй отделался относительно легко – лишь несколькими чернильными пятнами. Больше всех пострадал Хуань Тун, у которого половина лица была испачкана чернилами. Более того, поскольку его застигли врасплох, у него был открыт рот, и, к сожалению, он почувствовал вкус чернил. Как только он пришел в себя, то сразу же стал отплевываться.

Тьфу-тьфу-тьфу

Лу Ваньчэн понял свою ошибку и быстро отложил кисть, извинившись перед ними обоими: «Извините, на мгновение я забыл, что это кисть, смоченная в чернилах*...»

[Примечание: Многие каллиграфические кисти сейчас очень похожи на шариковые ручки в том смысле, что в них уже есть чернила.]

Линь Цинюй без всякого выражения сказал: «Ты можешь вести себя как нормальный человек?»

Лу Ваньчэну захотелось рассмеяться. Но делать это в такое время было бы действительно слишком жестоко. Он сдержал улыбку и сказал: «Это действительно было не намеренно... Вот, позволь мне вытереть это для тебя», — сказал он, поднимая руку.

Эти несколько чернильных пятен случайно попали под глаза Линь Цинюй, смешавшись с его родинкой в форме слезы. Как только Лу Ваньчэн протянул руку, Линь Цинюй моргнул. Длинные ресницы, похожие на крылья бабочки, слегка коснулись кончиков пальцев Лу Ваньчэна.

Немного щекотно и мягко.

Рука Лу Ваньчэна замерла. Он действительно замер, и даже дышать перестал.

Линь Цинюй не заметил его странного состояния. Он оттолкнул протянутую руку, и холодным голосом сказал: «Ты хочешь стирать чернильные пятна рукой?»

«О, да».

Лу Ваньчэн пришел в себя. Он повернулся и приказал: «Хуань Тун, возьми платок и помоги своему молодому хозяину».

Хуань Тун возразил: «Я еще не избавился от чернил во рту!»

Хуа Лу принесла теплой воды, и Линь Цинюй вытер лицо мокрым носовым платком. В это

время к Линь Циньюй пришла личная помощница Пань Ши, Хань Цяо, и сказала: «Шаоцзюнь, наша Иньян просит вас о встрече в главном зале».

Линь Циньюй сказал: «Понятно».

Пань Ши была женщиной, а он был мужчиной, различие между полами существовало всегда. Хотя они вместе вели домашнее хозяйство, они редко встречались друг с другом и просто позволяли слугам доставлять сообщения. Внезапное приглашение Пань Ши означало, что кое-что нужно было обсудить лично.

Линь Циньюй сказал Лу Ваньчэну: «Я ненадолго выйду. Тебе следует закончить это письмо и как можно скорее отправить кого-нибудь в резиденцию Гогуна».

Лу Ваньчэн рассеянно согласился. Вернувшись к окну, он посмотрел на идущего под дождем Линь Циньюй, укрытого зонтом. Он посмотрел на кончики своих пальцев, усмехнулся и сказал себе: «...Какого черта?»

Пань Ши также была дамой из семьи чиновника. Жаль, что ее семья обеднела, и чтобы жить, она должна была смириться со статусом наложницы. Ее родная семья не была влиятельной, и она не родила сыновей. То, что она смогла получить благосклонность Наньань Хоу, было заслугой не только ее внешности, но и, в большей степени, ее спокойного темперамента. Она не скандалила и не спорила, и никогда не говорила нескромно в присутствии Наньань Хоу. Дела в суде императора и без того достаточно тревожили ум и волновали душу. Когда Наньань Хоу возвращался в резиденцию, он просто хотел немного покоя, и двор Пань Ши, несомненно, был лучшим местом для отдыха.

Чтобы избежать подозрений, Линь Циньюй и Пань Ши всякий раз, когда встречались, приводили с собой много слуг, и на этот раз ничего не изменилось. Линь Циньюй никогда не нравились люди в резиденции Наньань Хоу, но из-за свадебного подарка Пань Ши ему и Лу Ваньчэну, а также из-за отправленных со служанкой лекарственных пластырей для его растяжения, он не испытывал отвращения к этому человеку. Просто был равнодушен.

Линь Циньюй терпеливо обменялся с ней несколькими вежливыми словами и сказал: «Если у Иньян есть что-то важное, вы можете просто сказать это прямо».

Пань Ши кивнула и сказала: «Через несколько дней будет Цинминь. Родной город семьи Лу находится в Линьане, и все подношения проходят в семье ветви клана Лу. Чтобы продемонстрировать сыновнее благочестие, мастер Хоу хранит две неугасимые лампы для своих родителей в храме Чаншэн* на окраине столицы. В прошлом, в это время жена мастера Хоу ходила в храм Чаншэн, чтобы помолиться о благословении и защите предков. Однако мадам все еще не оправилась от своей болезни, и мастер Хоу...»

[Примечание: 长生 / chángshēng. 1) быть бессмертным; долголетие; вечная жизнь, бессмертие; 2) поддерживать жизнь, обеспечивать.]

Пань Ши многозначительно замолчала и больше ничего не сказала.

Со дня рождения Чэнь Гуйфэй Лян Ши редко появлялась перед другими. Говорят, что она выздоравливает, но на самом деле ее держали взаперти. Наньань Хоу всегда занимал высокое положение. Он был горд и высокомерен, для него было слишком стыдно стать объектом обмана и интриг. Вину Лян Ши нельзя было назвать маленькой, но и большой она не была. Однако, поскольку женщина нарушила табу Наньань Хоу, ей, естественно, пришлось пережить много трудностей.

Линь Цинюй сказал: «В таком случае, мне придется побеспокоить Иньян, чтобы она помолилась о нашем благословении».

Пань Ши покачала головой и сказала: «Я – всего лишь наложница. Я не могу занять место мадам, чтобы зажечь благовония. Вы официально замужем, шаоцзюнь из резиденции Хоу. Кроме мадам, только вы можете пойти».

Линь Цинюй не сказал ни да, ни нет. Если бы они заставили его пойти и зажечь благовония для предков семьи Лу, он мог бы просто погасить неугасимые лампы Наньань Хоу, горевшие больше десяти лет.

Однако было бы неплохо, если бы он мог воспользоваться этой возможностью, чтобы посетить храм Чаншэн и помолиться за свою семью.

Линь Цинюй сказал: «Хорошо, я все устрою».

Пань Ши сказала: «Дорога стала скользкой из-за дождя. Молодой хозяин может подождать, пока дождь прекратится, прежде чем отправиться в путь».

Линь Цинюй кивнул и откланялся. Пань Ши смотрела, как он уходит, а затем внезапно сказала: «Шаоцзюнь, пожалуйста, подождите».

Линь Цинюй спросил: «Есть что-нибудь еще?»

Пань Ши вышла вперед и поклонилась Линь Цинюй, сказав: «Десять лет назад я еще не вошла в резиденцию и жила со своей матерью. Мы зарабатывали на жизнь стиркой и ткачеством. Та зима была очень холодной, и моя мать сильно простудилась. Она не лечилась в течение многих дней и умирала. Однако, имея в доме всего четыре голые стены, мы не могли позволить себе платить за лечение и лекарства. Я взяла несколько медных монет и умоляла дать лекарства в аптеке „Неизменно блестящих и гармоничных лекарств“, но ко мне пристал проходивший мимо распутник. В то время Линь Пань Юань был там, выбирая лекарственные травы. К счастью, он пришел мне на помощь. Линь Пань Юань не только последовал за мной, чтобы навестить маму дома, но и заплатил за лекарства для нас. Он... наш спаситель».

Пань Ши задыхалась от рыданий, когда закончила говорить.

Линь Цинюй слабо улыбнулся и сказал: «Это действительно похоже на моего отца».

Пань Ши отвернулась и вытерла слезы. Она смущенно сказала: «Я позволила шаоцзюню увидеть такое неловкое зрелище. Я просто хочу сказать, что, если шаоцзюнь будет нуждаться во мне в будущем, я сделаю все возможное, чтобы помочь в обмен на эту спасительную милость».

Холодный голос Линь Цинюй немного потеплел: «Иньян слишком вежлива».

Вернувшись в Павильон Голубого Ветра, Линь Цинюй приказал людям готовиться к поездке в храм на Цинминь. Но дождь не собирался прекращаться. Из-за того, что погода долгое время не прояснялась, в доме стало сыро. Выйдя на улицу, вы увидите мир, залитый дождем. Настроение людей также было необъяснимо подавленным.

Лу Ваньчэн уже несколько дней хандрит. Когда Линь Цинюй спросил его, в чем дело, тот ничего не сказал и просто продолжил вздыхать. Спросив один раз и не получив ответа, Линь Цинюй не стал спрашивать снова и просто позволил тому дальше страдать.

В этот день Лу Ваньчэн снова оцепенело лежал в постели. Хуа Лу принесла лекарство. Когда она попросила господина выпить, он не ответил, выглядя так, как будто ему больше не для чего было жить.

Хуа Лу обратилась за помощью к Линь Цинюй: «Шаоцзюнь...»

Линь Цинюй сказал: «Я сделаю это. Ты можешь идти».

Когда Хуа Лу ушла, Линь Цинюй подошел к кровати. Возвышаясь над Лу Ваньчэном, он спросил: «Что с тобой?»

Лу Ваньчэн: «...»

Недовольный Линь Цинюй пригрозил: «Если ты ничего не скажешь, я попрошу Хуань Туна каждый день на рассвете забирать твоё одеяло».

Лу Ваньчэн, задыхаясь, воскликнул: «Я уже такой, неужели ты не можешь проявить немного сочувствия?»

«Что с тобой такое?»

Лу Ваньчэн закрыл лицо руками и с болью сказал: «Твою мать, я... Похоже, я больше ни на что не гожусь».

Линь Цинъюй: «?»

«Что ты имеешь в виду под „ни на что не гожусь“?»

Казалось, Лу Ваньчэну было трудно говорить об этом.

«Он просто не работает. В прошлом, каждое утро, пока я просыпаюсь... Ну, ты знаешь».

Линь Цинъюй: «...»

Лу Ваньчэн посмотрел ниже живота, испытывая несравненное огорчение.

«В последние несколько дней он просто не встает».

Линь Цинъюй сказал: «О, это нормально».

Лу Ваньчэн внезапно поднял голову.

«Нормально?»

«Чтобы улучшить рецепт, я добавил в твое лекарство много клубня виноградной лозы кудзу, ложного женьшеня и других лекарственных материалов, — Линь Цинъюй преуменьшил, словно говорил о сегодняшнем ужине. — Длительное употребление таких трав вызовет... некоторые последствия для мужчин. Ты все равно им не пользуешься. Тебе должно быть все равно».

«Не пользуешься?»

«Тебе должно быть все равно»??

Лу Ваньчэн чуть не закашлялся старой кровью. Какое-то время он не знал, как опровергнуть такие дерзкие и мятежные* слова. Если он рассердится на Линь Цинъюй, то может спровоцировать на гнев, и позже ему все равно придется умастить его. Может быть, он мог бы все уладить, но, как всем известно, великолепный красавец никогда бы не стал улаживать дела с простым смертным.

[Примечание: 大逆不道 / dà nì bù dào. Совершать величайшее преступление (измену, мятеж); быть великим преступником (изменником); тягчайшее преступление; тяжкий грех. Смертно греховный; дерзкое неповиновение.]

Лу Ваньчэн некоторое время сдерживался, прежде чем сказал: «Да, я не пользуюсь им. Но использую я его или нет, это не то же самое, что и могу ли я его использовать или нет».

Неумолимый Линь Цинюй не согласился: «Это вопрос жизни и смерти. Ты можешь отбросить свое бесполезное эго? Прожить еще полгода важнее всего на свете».

Лу Ваньчэн сделал последнее отчаянное усилие: «Но...»

Линь Цинюй нетерпеливо сказал: «Никаких «Но». Молодой мастер Хоу, как пациент, единственное, что вам нужно делать, это следовать совету лекаря – пить свое лекарство».

Лу Ваньчэн посмотрел на темный отвар. Он хотел что-то сказать, но остановился, снова хотел что-то сказать, но вновь остановился. Наконец, он показал Линь Цинюй большой палец, и что-то, чего Линь Цинюй не мог понять, вырвалось у него изо рта: «...Такой обалденный».

Переводчику есть что сказать:

ессо: Что за изумительные побочные эффекты у нового лекарства! Кто-то «поник»...

<http://bllate.org/book/15122/1336632>